

Поздравляем Юрия Лепского с 70-летием!



Первому заместителю главного редактора «Российской газеты», публицисту и литературоведу Юрию Лепскому исполнилось 70 лет!

Свою последнюю, или, как нынче принято говорить – крайнюю книгу он подарил мне, когда мы встретились в его рабочем кабинете.

Он это сделал так. Спокойно и не спеша – представить себе его суевающимся не могу – достал книгу, затем – внимание! – взял перо... Да-да, самое настоящее перо, которым писали в позапрошлом веке. Открыл чернильницу – на столе первого заместителя главного редактора «Российской газеты» стоит чернильница! Обмакнул перо – ! – в чернильницу – ! – и каллиграфическим почерком! – написал мне трогательную надпись. Потом взял промокашку – !!! – промокнул надпись, подул на нее немного и вручил мне прекрасно изданную книгу «Бродский только что ушел».

Лепский не выпендривается и не оригинальничает. Он просто так живет. Причем, всегда. Так получается, что я его знаю большую часть его 70-летней жизни. И вот – всегда.

Юрий Михайлович всегда был другим. И есть другой. Людей ведь, среди прочего, можно разделить на тех, кто живет похоже на всех. И на тех, кто жить похоже не хочет. Не умеет. И не живет.

Книга «Бродский только что ушел» продолжает литературные

изыскания Лепского о Бродском. Лепский как-то умудрился соединить в книге качества, которые в книгах крайне редко сочетаются: с одной стороны – это журналистское расследования, с другой – новые факты современного литературоведения, а, кроме того, это очень хорошо, по-писательски написанная книга.

Достаточно? Не достаточно. Потому что Лепский уже много лет потрясающе фотографирует, и книга, действительно, украшена его красивыми и неожиданными фотографиями.

Но теперь-то достаточно? Нет. Потому что книга эта – еще и путешествие по любимой Лепским Италии, которую он изучил, как... как знаете кто?... как любопытный человек. Если Лепский узнает, что Бродский посещал какой-нибудь дворец, то ему надо знать про этот дворец не только то, что написано в справочниках, но еще какие-нибудь невероятные, часто мистические истории.

Поэтому книга «Бродский только что ушел» не просто познавательная, но ужасно интересная. Захватывающая. Если Вы ее прочтете, то у вас, убежден, тоже будет ощущение, что Лепский только пришел.

Это не игра слов. Это подлинное ощущение от Лепского. Сорок лет как оно у меня присутствует. Скажем, если я – вдруг – пишу в своих колонках какую-нибудь ленивую фразу, у меня рождается подлинное ощущение, что Лепский только что пришел и говорит: «Андрюша, это нехорошо». И мне становится стыдно.

Биографию юбиляра можно было бы назвать обычной для советского журналиста, если бы он сухие факты не наполнял всегда чего-то собственным. Родился в Нижнем Тагиле. Учился на журфаке Уральского университета. Работал в местной печати. Потом стал собкором «Комсомолки». Потом его взяли на работу в Москву.

Для него жизнь – калейдоскоп историй, каждую из которых интересно узнать

Там-то мы с ним и познакомились. «Комсомольская правда» конца застоя, это, доложу я вам, была замечательная газета, невероятно популярная. Мы работали под идеологическим гнетом –

другого не было, но при этом большинство из нас оставались нормальными людьми, и пытались нормальным языком писать про интересное.

Лепский был начальником. Я – стажером. Юрий Михайлович никогда не повышал голос, говорил спокойно: «Андрюша, это нехорошо», мне почему-то становилось стыдно, и я переделывал то, что ему не нравилось. Заголовок, например, или абзац.

Иные начальники орали – и никого чувства стыда, а этот – спокойно так, а ты готов сквозь землю провалится.

У меня был потрясающий непосредственный начальник, редактор отдела Виктор Сергеевич Липатов. Это был энциклопедически развитый человек, который, казалось, про литературу и искусство знал все. И Лепский приходил к нему в кабинет, и слушал. Еще одно удивительное, и очень важное для журналиста качество: он умеет слушать. Интеллигент Липатов – высокий, чуть сутулый, ужасно ощущающий себя в тисках идеологии – был вежлив со всеми, но привечал не всех. Лепского привечал, считал приличным и интеллигентным человеком. Не ошибался, мой учитель.

А потом Лепский уехал собкором в Индию. И эта работа стала для него школой познания людей. Любопытный Лепский не отторгнул чужой, часто не понятный опыт, а воспринял его вот именно как школу. Бог его знает, как изменила Лепского Индия, и не через нее ли пришел он к Бродскому?

Если вы долго не видели Юрия Михайловича, а потом зайдете к нему, он вам обязательно расскажет какую-нибудь историю. Есть люди, для которых жизнь – поток, и они плывут по нему с переменным успехом. А для него жизнь – калейдоскоп историй, каждую из которых интересно узнать, и из нее что-то вынести для себя.

– Представляешь, – говорит он. – Знаешь такого поэта? – И он называет имя классика XIX века. – Во время учебы он за компанию украл деньги у начальника училища. Его выгнали.

Знаешь, что сделали его родители? Они ничего не сделали. Они продолжали его также любить, и дему важна, потому что Лепский – замечательный отец своему маленькому сыну и взрослой дочери. Он – папа-друг. Не такая уж частая категория пап.

Юрий Михайлович, знаешь ли ты, дорогой, что сегодня 20 апреля родился самый для меня дорогой человек на свете – моя мама, Антонина Николаевна? И ты родился. Можно я буду думать, что это не просто совпадение?

С юбилеем! Спасибо за это ощущение – Лепский только что вошел!



Андрей Максимов